

ДЖЕН АЛЕКСАНДЕР
ПУСТОШЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
А46

Серия «Бегущий в лабиринте»

Jen Alexander
THE WASTELAND

Перевод с английского *Т. Зюликовой*

Художник *В. Лебегава*

Печатается с разрешения Jen Alexander, Inc.
и литературных агентств Foundry Literary + Media и Andrew Nurnberg.

Александр, Джен.

А 46 Пустошь : [роман] / Джен Александер ; [пер. с англ. Т. Зюликовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Бегущий в лабиринте).

ISBN 978-5-17-087455-2

С каждым днем моя жизнь становится все страшнее и страшнее...

Наш крохотный отряд совершает вылазки в мертвый город, где мы ищем еду и боеприпасы, убиваем садистов-людоедов и освобождаем их пленников.

Но с недавних пор мне кажется, что все обман — моя амнезия, боевые товарищи. Кажется, кто-то управляет моим телом, заставляя совершать нелепые поступки и говорить совсем не то, что я думаю.

Неужели я — лишь марионетка, компьютерный персонаж в кровавой игре?

Тогда кто он — мой игрок, который смотрит на мир моими глазами и управляет моими инстинктами?

**УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-087455-2

© Jen Alexander, 2014
Школа перевода В. Баканова, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

Пролог

Иногда мы по целым дням шли сквозь метель, почти не делая остановок, пока не возвращались в убежище без окон и не засыпали как убитые. Иногда солнце палило так нестерпимо, что кожа на голове покрывалась волдырями, и мы не решались выходить наружу до самого вечера. Мы вечно недоедали, хотя постоянно устраивали вылазки за энергетическими батончиками и водой в бутылках. Только такая вода и годилась для питья, ведь реки и озера были отравлены химикатами и кровью мертвецов.

Мы создавали кланы, чтобы не стать жертвой людоедов, а по временам объединялись ради высшего блага и освобождали тех, кто попал к ним в плен. Эти спасательные экспедиции да непрочные узы между членами кланов — вот и все, что оставалось в нас человеческого и напоминало о прошлом — таком далеком, что у меня не сохранилось о нем никаких воспоминаний. Мы никогда не разговаривали о своих страхах или о катастрофе, уничтожившей нашу цивилизацию. И чем дольше мы так жили, тем меньше я ощущала себя человеком.

Временами я не находила сил даже на то, чтобы составить осмысленную фразу, и выражала скрытые внутри чувства молчанием да отрывистыми командами. Временами просыпалась и не могла понять, где нахожусь. Бывало это редко, но в подобные минуты меня начинали одолевать вопросы. Когда я в последний раз ела? Сколько провалялась в отключке? Кем была до того, как превратилась в жалкое существо, заикленое на выживании? Какую бы жизнь я ни вела до катастрофы, у меня не осталось о ней ни единого воспоминания.

Мы называли свой новый мир Пустошью, а себя — выжившими. Питались обычной пищей — не человеческим мясом. Ради друзей мы готовы были пойти на убийство или на смерть. От них мы ждали того же, поэтому к выбору клана подходили особенно тщательно. В наше время лишняя осторожность не помешает.

Но даже узы между членами клана не вечны. Когда пропала Миа, которая была со мной три года — с тех самых пор, как я очнулась в этом мире отравленной воды, иссушенной почвы и хаоса, — я начала спрашивать себя: а стоит ли подобная жизнь того, чтобы за нее бороться? Каждый раз, как я вспоминала о подруге, хотелось закрыть глаза и навсегда погрузиться в сладко-горькую тьму забвения.

Иногда мне снилось, будто я — вовсе не я, а другой человек. Темноволосая девушка, которая не знает ни голода, ни жажды, ни страха перед людоедами, потому что в ее мире ничего этого нет.

Глава первая

Август

Я чувствую землистый запах надвигающейся грозы. Он пропитывает соседние здания, сочится сквозь разбитые окна, крошащийся кирпич и покореженный металл, смешивается с вонью, которой несет от сгоревшего музыкального магазина в двух кварталах отсюда. На прошлой неделе мы совершили набег на сувенирную лавочку через дорогу от того места. Тела четырех ютившихся в магазине людей все еще лежат внутри посреди поломанных дисков и обгорелых инструментов.

Воздух сегодня сырой — прямо чувствую, как моя кожа впитывает влагу. Но я не поверю, что пойдет дождь, пока своими глазами не увижу первые капли. Солнце жарит немилосердно.

В последний раз, когда я решила, что пойдет дождь, и расставила на крыше пустые бутылки, земля оставалась сухой еще почти две недели.

Сидя на крыше тюрьмы, где мы поселились два месяца назад, я стараюсь не думать о тех злосчастных тринадцати днях. Полуденное солнце поджаривает мои голые плечи. Пот те-

чет в глаза и капает на бинокль, отчего тот становится скользким.

Я не хочу здесь быть. Час назад, когда я проснулась, голова так болела от голода и жажды, что хотелось одного — перевернуться на другой бок и вновь забыться сном. Но что-то заставило меня встать с постели — наверное, голод или инстинкт самосохранения. Возможно, и то, и другое.

Со сном придется подождать.

На другой стороне улицы возвышается величественное здание в готическом стиле. С крыши свешиваются горгульи, бронзовые статуи охраняют вход. Когда-то там заседал суд. Красивое здание, особенно по меркам мира, который пал ниц и так и не сумел встать на ноги. Но я поднялась на крышу не любоваться видом. Я поднялась, потому что у нас появились соседи.

Пожилая семейная пара. Не первые, кто вселился в это здание с тех пор, как мы обосновались в тюрьме. И чутье подсказывает, что не последние. О нашем существовании они не догадываются. Когда над ними нависнет настоящая опасность — а здесь опасность нависает постоянно, — они тоже ничего не заподозрят.

— Опять подглядываешь за соседями, Клавдия?

Голос Итана возвращает меня к действительности. Я роняю бинокль на грудь, поспешно вскакиваю и поворачиваюсь к нему. Хотя бортик, на котором я стою, заметно возвышается над крышей, наши глаза оказываются на одном уровне — настолько Итан выше меня. На фоне

солнечного диска его светло-русая шевелюра похожа на окружающий голову нимб, и весь он кажется безмятежным, как ангел.

Я спрыгиваю с бортика и слегка поскальзываюсь на мелких камушках. Итан поддерживает меня, потом кладет ладони мне на талию и притягивает к себе. Он так крепко сжимает руки, что у меня перехватывает дыхание. Но я не отстраняюсь, а приникаю к нему еще плотнее, уткнувшись макушкой ему в подбородок. Рядом с Итаном я всегда чувствую себя в безопасности.

— У них есть еда — я видела, как они вносят ее в дом. Вода, наверное, тоже.

Я действительно наблюдала, как пожилой мужчина волочит набитые едой мешки для мусора по растрескавшемуся асфальту и заносит их в здание суда. Когда же это было?.. два или три дня назад?.. Не могу вспомнить.

— Слишком рискованно. Наверняка не мы одни считаем новых жильцов легкой добычей. Могу поспорить, в эту самую минуту людоеды тоже готовят на них нападение.

— А ты разве не любишь рисковать? — игриво спрашиваю я, запуская руки в задние карманы его штанов.

Я поднимаю взгляд на Итана, и он заправляет мне за ухо непослушную прядь.

— Они только что ушли. В здании никого нет. Когда еще представится такой случай?

Я высвобождаюсь из его объятий и теперь стою, склонив голову набок, в ожидании ответа.

Итан задумчиво смотрит на крылатого льва, украшающего здание суда у меня за спиной.

Наконец уголки его губ приподнимаются, и он произносит:

— Итак, только ты и я. Этакий мини-квест.

Вечно Итан придумывает набегам разные нелепые названия: квесты, мини-приключения, экскурсии. Джереми с Эйприл ничего ему не говорят, а мне и хочется его одернуть, и не хватает духу. Но если уж брать кого-нибудь с собой, то только Итана. Проворства и силы ему не занимать.

От голода у меня сводит живот, и я подумываю, не спуститься ли в подвал на лифте. Хотя в тюрьме есть электричество — большая редкость по нынешним временам, — мы им не пользуемся. Ничто так не привлекает людоедов, как ярко освещенное здание.

— Давно они ушли? — спрашивает Итан, пролезая в люк.

Он легко спрыгивает вниз и поднимает взгляд на меня. Я спускаюсь по приставной лестнице, цепляясь за скользкие металлические перекладины. Когда дохожу до нижней ступеньки, Итан подхватывает меня под мышки и ставит на пол.

— Минут пятнадцать назад.

— Ты уверена, что у них есть еда?

Я бросаю на него негодующий взгляд, потом беру со стула рюкзак и продеваю руки в лямки.

— Разве я когда-нибудь ошибаюсь?

Итан несколько раз смаргивает, потом кивает и начинает спускаться по лестнице. Я иду следом, стараясь не обращать внимания на урчащие звуки в животе, которые гулко отдаются от металла и бетона.

На первом этаже окон нет, поэтому приходится включить карманные фонарики. Думаю, до того как Нашвиллу пришел конец, эту часть тюрьмы использовали для предварительного заключения. По обеим сторонам коридора тянутся ряды таких же крошечных камер со стальными дверями, как на верхних этажах. Отличие в одном: здесь есть окошки из пуленепробиваемого стекла, на которых выцарапаны ругательства, числа и изображения разных частей тела. Итан однажды сказал, что заключенным, наверное, неприятно было наблюдать, как их товарищей сажают под замок. Я тогда ничего не ответила.

Проход заканчивается дверью, дальше тянется другой коридор. Ненавижу туда ходить: там пахнет помоями, плесенью и еще чем-то, слишком похожим на разлагающийся труп. Зато этот коридор ведет прямо в подвал суда. Сейчас бы натянуть воротник футболки на нос, чтобы чувствовать только запах жесткого мыла и пота и не задохнуться от вони. Но я лишь плотно сжимаю губы и молюсь, чтобы меня не вырвало.

— Извини за тот вечер, — говорит Итан.

Он тоже не закрывает нос, но его лицо остается совершенно невозмутимым. Неужели он не чувствует запаха? Или просто привык?

— Вернее, за свои слова.

— Да все в порядке.

Несколько дней назад я вернулась после побега, обгоревшая на солнце и такая усталая, что не могла ни двигаться, ни говорить. Итан отругал меня за то, что я совсем не слежу за своим

здоровьем. Мне хотелось одного — свернуться калачиком на плоском зеленом матрасе в безопасной комнате и отдохнуть, а вместо этого я почти полчаса выясняла с ним отношения. Его забота обо мне одновременно трогала и раздражала. Как же я могу следить за здоровьем, когда у нас столько дел?

— Просто меня бесит, что приходится жить вот так.

Итан редко выражает раздражение. Он легко смирился с тем, что произошло три года назад, и всегда сосредоточен на настоящем — на выживании. Думаю, это меня в нем и притягивает. Я беру его за руку, и наши пальцы переплетаются.

— Спасибо... за все, что ты для меня делаешь, — говорю я и сжимаю его руку.

Он выдыхает, сдувая с лица непослушную прядь.

— Я на все готов, лишь бы здесь остаться. Ты особенная — я таких никогда не встречал.

Сердце у меня подпрыгивает, словно хочет выскочить из груди. Что он имеет в виду? Неужели он помнит что-то о своем прошлом? Надо бы расспросить Итана, но вместо этого я останавливаюсь и обвиваю его шею руками. Он наклоняет голову, и наши губы встречаются.

— Ты тоже, — произношу я.

Мы останавливаемся перед металлической дверью, ведущей в подвал здания суда. Пока Итан вытаскивает из кармана ключ, я украдкой бросаю на него взгляд: он улыбается. Возможно, от моих слов у него стало легче на душе.

Итан засовывает ключ обратно в карман и достает нож из ножен.

— Ну что, ты идешь? — спрашивает он, делая несколько шагов в непроницаемую тьму подвала. Итан направляет луч фонарика прямо мне в лицо, и я сощуриваюсь.

«Нет, — думаю я. — Нужно вернуться. Он прав: это слишком опасно».

Однако почему-то киваю, протягиваю Итану руку, и он увлекает меня за собой.

На втором этаже фонарики не нужны. Повсюду прохладно, и горит свет: поселившиеся здесь люди сами напрашиваются на визит от людоедов. Мне хочется остаться здесь, рядом с работающими кондиционерами, но я понимаю, что это практически верная смерть.

— Они живут на четвертом этаже, — говорю я, пока мы идем через вестибюль. Здесь неожиданно чисто — не то что при прошлых жильцах.

Мы поднимаемся по ступенькам — опять по ступенькам. Повсюду слышен гул электричества, лифт работает, и все же мы лезем на четвертый этаж по лестнице — из осторожности. Когда мы находим зал суда, где поселилась пожилая пара, я едва перевожу дух. В животе все горит. Тянет на что-нибудь опереться и немного передохнуть, но Итан уже на другом конце комнаты — стоит на коленях перед скамьей присяжных.

— Где они все это берут? — удивленно спрашивает он, осматривая припасы. — Здесь столько воды и еды... Эй, подай мне рюкзак.

Обычно Итан стоит на шухере, а я, как более проворная, наполняю сумки. Сегодня, похоже, он решил поменяться ролями. Я не возражаю. Все равно я слишком голодна и измотана, да и передвигаюсь еле-еле. Я бросаю Итану свой пустой рюкзак — он бесшумно приземляется на скамью.

— Давай быстрее, — говорю я, прежде чем выйти в вестибюль.

Я стою перед дверью, стуча носком кроссовки по бежевой плитке пола. Особым терпением я не отличаюсь, но во время набегов стараюсь себя сдерживать. Воровство — дело опасное. Самые неосторожные и жадные гниют потом посреди улицы или сидят, прислоненные к стене и избитые до неузнаваемости. Однако сейчас мне хочется одного — вернуться в тюрьму, поесть и выпить воды.

Я все еще думаю о еде и воде, как вдруг понимаю, что уже не одна. К действительности меня возвращает щелчок взводимого курка и горьковато-сладкий запах ментола. Все мысли тут же испаряются, по телу пробегает волна панического страха. Я еще пару раз ударяю ногой в пол, прежде чем замереть на месте.

— Так, для справки: в спину стреляют только трусы, — говорю я.

— Тогда повернись, — отвечает хриплый женский голос. — Руки за голову.

Я делаю, как мне велено: поворачиваюсь лицом к аварийному выходу — так медленно, что резиновые подошвы кроссовок со скрипом проезжают по исцарапанной плитке. Сердце чуть

не выскакивает из груди на пол. В глазах туман, и на секунду мне кажется, что передо мной Миа — девушка, которая жила с нами и пропала несколько месяцев назад. Подруга, решившая поискать счастья в другом месте. Потом наваждение рассеивается, и я упираюсь взглядом в пистолет и держащую его женщину. У нее темные глаза и волосы — единственное сходство с Миа.

Этой женщине лет сорок, а не семнадцать. У нее изможденное рябое лицо. Грудь прикрывает только легкомысленная маечка, сквозь прозрачную кожу просвечивают ребра. На бедрах болтаются поношенные штаны цвета хаки. Босые ноги покрыты синяками. Если бы не направленный мне в лоб пистолет, я бы вряд ли ее испугалась.

Но пистолет на меня все-таки направлен, и держащая его женщина явно не на моей стороне. Если повезет, она сразу меня пристрелит, а не заставит спариваться с другими пленниками в надежде получить больше еды. За людоедами такое водится — они любят пухленьких младенцев.

— Тебе не тяжело? Могу поддержать.

Мои слова удивляют нас обеих. Женщина презрительно ухмыляется, слегка опускает пушку, и теперь дуло смотрит мне между глаз.

— Ну, давай. Стреляй, если смеешь.

— Если смею?

У нее в руке пистолет, мои пальцы сцеплены на макушке, а я еще ее подзадориваю... Мазохистка.

Мне до смерти страшно, но я киваю и улыбаюсь.

Однако женщина не стреляет, а смеется мне в лицо. Ее костлявое тело сотрясается, словно подвешенный в воздухе скелет. Только бы Итан ее услышал...

— Ты так легко не отделаешься, детка. Слишком много ты для меня значишь. Вопрос только в том... — она кивает на закрытую дверь зала суда и ухмыляется, — ... скольких мы заберем с собой.

«Мы»...

При звуке этого слова мне хочется закричать. Ну конечно, она не одна — людоеды всегда охотятся целыми кланами. Я делаю осторожный шаг в ее сторону.

— Ни с места! — шипит она, раздувая ноздри.

Я делаю еще один шаг. Другой. Третий. Хотя кости и мышцы превратились в желе, я продолжаю идти. Если сделать вид, что мне не страшно, может, еще удастся пережить сегодняшний день. Даже не вспомнить, сколько раз этот прием срабатывал в прошлом. Мы стоим так близко, что я почти чую запах собственного страха, смешанный с резким, гнилостным запахом женщины; почти чувствую холодное дуло пистолета.

— Ну, давай же, — вызывающе бросаю я.

Дальше все происходит как в тумане. Итан что-то выкрикивает, и женщина резко поворачивается к нему. Я бросаюсь вперед. Пистолет выстреливает. Потом я стою, обхватив руками тощее существо, которое хочет меня убить, дро-

жу всем телом и не могу понять, кто из нас ранен. Оглушенная выстрелом, я не сразу осознаю, что Итан зовет меня по имени и просит обыскать людоедшу.

Я отступаю назад, и женщина оседает на пол. Она лежит неподвижно, по короткой майке расползается красное пятно. Потом ее грудь вздымается, в горле что-то клокочет, и она открывает глаза.

— Я... где я?..

Ее безумные карие глаза смотрят прямо на меня. Мне хочется растаять, провалиться сквозь пол, но я стою неподвижно, как статуя, не в силах отвести взгляда.

— Помогите... — Теперь ее голос звучит по-другому: в нем появился акцент, которого не было раньше. — Я чувствую его! Достаньте, достаньте!

Она бьется в конвульсиях, хватая себя за макушку. Пуля попала в грудь, а не в голову, но женщина, похоже, этого не осознает. Она отчаянно теребит спутанные волосы и молит меня, снова и снова, достать «его».

«Что? — хочу я спросить. — Что достать?»

Не глядя на Итана, я говорю:

— А мы много на ней заработали.

Внезапно все вокруг начинает вращаться.

«Мы много на ней заработали».

Я ведь имею в виду вещи, которые мы найдем на трупе, да? Отчего же эти слова кажутся пугающе знакомыми? Как будто я уже слышала или произносила их раньше, только не могу вспомнить, где, когда и почему.